
«Прав
тот,
кто
обратился».
Павел Пуликов

Павел Пуликов
«Прав тот, кто обратился».

https://litres.ru/75067724
SelfPub; 2026

Аннотация

Меня зовут Павел Пуликов, я из Баймака в Башкирии. Я юрист, заместитель председателя по социальной работе отделения Всероссийского общества инвалидов — и человек с ДЦП.

В семнадцать я потерял маму, в восемнадцать боролся за жизнь папы: оформлял инвалидность, выбивал направления, собирал документы по кабинетам. Тогда понял: справедливость сама не приходит — за ней надо идти. Работал там, где людям выдают средства реабилитации, и увидел систему помощи изнутри. Потом были мои первые тридцать четыре дела — тридцать четыре истории, а не строчки: статья 156, блокировка счёта и банкротство, которое я прошёл сам, без юристов. А ещё — КВН, музыка и возвращение в образование.

Это книга не про суд и не про диагноз. Она про привычку не молчать: права становятся реальными, только если их отстаивать. Про «доступную среду», о которой говорят все, а встречают её редко. Честно, без патетики и с юмором, который не исчезает даже в залах ожидания.

Шансы есть. Всегда. Главное — обратиться.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ 7
ЧАСТЬ I. ДЕТСТВО И ШКОЛА 11
ГЛАВА 1. БАЙМАК, «СКАЗКА» И ПЕРВЫЙ ВОПРОС «ПОЧЕМУ?» 11
Конец ознакомительного фрагмента. 17

«Прав тот, кто обратился».

ПРАВ ТОТ, КТО ОБРАТИЛСЯ
Истории о праве быть услышанным

Павел Пуликов

СОДЕРЖАНИЕ

Введение
ЧАСТЬ I. ДЕТСТВО И ШКОЛА
Глава 1. БАЙМАК, «СКАЗКА» И ПЕРВЫЙ ВОПРОС «ПОЧЕМУ?»
Глава 2. ШКОЛА И ПЕРВЫЕ УРОКИ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ
ЧАСТЬ II. УЧЁБА И НАЧАЛО ПУТИ
Глава 3. КОЛЛЕДЖ: КАК Я ВЫПОЛНИЛ МАМИНУ МЕЧТУ — И НЕ ЗАМЕТИЛ ЭТОГО
Глава 4. СИБАЙ: ДВА ФАКУЛЬТЕТА И ОДИН ТРАНЗИТ
Глава 5. «МЕДСЕРВИС ПЛЮС» — «БАШ ТСР»: КАК Я НАЧАЛ ОБЕСПЕЧИВАТЬ ЛЮДЕЙ СРЕДСТВАМИ РЕАБИЛИТАЦИИ
Глава 6. ГДЕ СИСТЕМА ТСР ДАЁТ СБОЙ: ВЗГЛЯД ИЗНУТИ
Глава 7. ВОИ БАЙМАКА: ОРГАНИЗАЦИЯ, КОТОРАЯ

ЗНАЛА МЕНЯ ВСЮ ЖИЗНЬ
ЧАСТЬ III. ЮРИСТ НА ПРАКТИКЕ
Глава 8. ДЕЛО ПО СТАТЬЕ 156. ИСТОРИЯ, ЗА КОТОРОЙ ПРЯЧУТСЯ ЖИВЫЕ ЛЮДИ, И КАК Я УЧИЛСЯ РАБОТАТЬ С ТЕМОЙ, ГДЕ ПРАВО ВСТРЕЧАЕТСЯ С БОЛЬЮ
Глава 9. 115-ФЗ: КОГДА БАНК ПОДОЗРЕВАЕТ ДОБРОГО ЧЕЛОВЕКА
Глава 10. ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ VS ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ: СЛОВО КАК ЗАЩИТА
Глава 11. ТЕХНИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕАБИЛИТАЦИИ: ПРАВО НА НОРМАЛЬНУЮ ЖИЗНЬ
Глава 12. ДОСТУПНАЯ СРЕДА: НЕ ПРО «ПАНДУС ДЛЯ ГАЛОЧКИ», А ПРО РЕАЛЬНУЮ СВОБОДУ
Глава 13. ПЕРВЫЕ ДЕЛА: 34 ИСТОРИИ, А НЕ 34 СТРОЧКИ
Глава 14. КОГДА НЕ БЕРУТ — ИЛИ БЕРУТ, НО ОБМАНЫВАЮТ
Глава 15. НЕДЕЕСПОСОБНЫЙ — НЕ ЗНАЧИТ БЕСПРАВНЫЙ
Глава 16. КАК ГОВОРИТЬ С ВЛАСТЬЮ
Глава 17. Социальная защита: инструкция по выживанию в бюрократии
ЧАСТЬ IV. НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ
Глава 18. Я ВЕРНУЛСЯ В СИСТЕМУ ОБРАЗОВАНИЯ: ФОРУМ И ПАРЫ ПРО ИНКЛЮЗИЮ

Глава 19. МОЛОДЁЖНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ И НКО: КАК УПРАВЛЯТЬ И НЕ УТОНУТЬ
Глава 20. БАЙМАК ГЛАЗАМИ МЕНЯ: ГОРОД И МУЗЫКА, КОТОРЫЕ МЕНЯ ЗАКАЛИЛИ
Глава 21. БАНКРОТСТВО: КАК Я ПРОШЁЛ ЕГО САМ
Глава 22. ПЕРЕСЕЧЕНИЕ РОЛЕЙ: ЮРИСТ, ПЕДАГОГ, АКТИВИСТ — И ЧЕЛОВЕК С ДЦП
Глава 23. Магистратура, профессорство и онлайн-школа: план на десятилетие
Заключение

ВВЕДЕНИЕ

Привет. Меня зовут Павел, и я рад, что ты держишь эту книгу в руках.

Давай сразу договоримся: я не буду перед тобой выступать. Не буду важно сидеть в дорогом костюме и объяснять «как надо». Я буду просто рассказывать — как рассказывал бы другу за чаем. Потому что эта книга и есть такой разговор.

Итак, кто я. Я из Баймака — небольшого города в Башкирии, где все друг друга знают и где справедливость всегда измерялась не статьями закона, а тем, как поступил человек. Я юрист. Заместитель председателя по социальной работе Всероссийского общества инвалидов города Баймак, представляю президиум Башкирской республиканской организации ВОИ. Занимаюсь молодёжными проектами и молодёжной политикой Баймакского района. А ещё — сам человек с инвалидностью, у меня ДЦП.

Про ДЦП я пишу не для того, чтобы тебя растрогать. Пишу это потому, что без этой строчки вся моя работа не будет тебе понятна. Я знаю барьеры не из отчётов. Я их чувствую физически — каждый раз, когда передо мной ступенька вместо пандуса или дверь, которую «пока не сделали доступной». Знаю, сколько сил стоит дойти до кабинета, чтобы отстоять своё право. И знаю, чего это стоит — сказать в ответ

на «мы не можем» простое: «а давайте посмотрим закон».

В школе я клятвенно повторял: не буду ни юристом, ни программистом, ни бухгалтером. Никогда. Ни за что. Судьба, наверное, долго смеялась — сегодня я совмещаю всё это сразу. А мама всегда хотела, чтобы я стал юристом. Возможно, эта книга — её несбывшийся разговор со мной.

Жизнь рано научила меня взрослости. В семнадцать лет я потерял маму — осенью две тысячи девятнадцатого. А в восемнадцать я уже не просто горевал — я боролся за жизнь папы: оформлял ему инвалидность, собирал документы на социальную поддержку, выбивал каждое направление. И однажды понял: дальше себя обеспечивать придётся самому. Так я пришёл в общество инвалидов — и не знал ещё, что это станет не просто работой, а школой. Школой человечности и права одновременно. Именно там я впервые по-настоящему увидел людей, которым закон положил многое, а жизнь дала мало. И решил: буду тем, кто помогает это неравенство выправлять — не словами, а делом.

За эти годы я повидал многое. Человека, чью жизнь изменила вовремя выданная коляска. Друга, которому банк заморозил счёт только потому, что система заподозрила его в преступлении — по 115-ФЗ, даже не разобравшись. И этот же самый друг — да-да, один и тот же человек — подарил мне ещё две истории. Сначала он устроился педагогом: договор есть, всё «по правилам», а зарплата такая, что жить на неё почти невозможно. Потом пошёл работать в администрацию

— месяцами делал настоящую работу, а договор ему так и не оформили. Видишь, как это похоже? Человек честно старается, а система либо платит копейки, либо делает вид, что его нет.

Я видел дела о недееспособности — страшное слово, за которым прячется очень простая суть и очень живые люди. Я ходил по кабинетам органов власти и учился говорить так, чтобы меня слышали. Я занимался доступной средой — той самой, про которую много говорят и мало делают. И даже себя я однажды видел по ту сторону юридической консультации — но об этом позже. Скажу только, что тот случай изменил меня сильнее любого дела из практики.

А ещё был у меня один момент, который я сам не ждал. Учился я тогда не ради оценок, не ради «красного диплома» — просто хотел разобраться, понять, как это всё работает, чтобы потом помогать людям. И когда в конце выдали диплом, оказалось — красный. Не потому что я старался ради корочки, а потому что делал своё дело. И знаешь, что он мне дал? Не строчку в резюме. Он дал мне право смотреть в глаза тем, кто говорит «ты не сможешь». Дал право стоять на своём и знать, что я действительно понимаю, о чём говорю.

Если спросить меня, что общего у всех этих историй, отвечу: люди. Люди, которые не знали своих прав — или знали, но не верили, что их можно отстоять. Система огромна, бумаг много, а ты один. Кажется, что шансов нет.

Эта книга — про то, что шансы есть.

Здесь не будет громких дел и знаменитых процессов. Будут будни: как работает общество инвалидов, почему коляска или слуховой аппарат — не «поблажка», а право; что делать, если работодатель не оформляет договор; как не запутаться в словах «недееспособный» и «опекун»; как проверять, есть ли в твоём городе доступная среда, и как разговаривать с госорганами так, чтобы они не отмахивались. И как обычный человек — не юрист, не герой, просто человек — может говорить с системой на понятном ей языке и выигрывать.

Сегодня я строю онлайн-школу, чтобы передавать эти знания дальше. Потому что справедливость — это не абстракция. Это пандус у подъезда. Это вовремя выданный слуховой аппарат. Это зарплата, которую не прячут в конверте. Это договор, который подписывают сразу, а не «потом».

Читай эту книгу так, будто мы сидим напротив друг друга за столом, и я рассказываю то, что знаю. Потому что именно так она и написана.

Все истории в этой книге основаны на реальных событиях. Имена, должности и некоторые детали биографий героев изменены в целях сохранения конфиденциальности. Прямая речь восстановлена по памяти и не претендует на дословность. Совпадения с реальными людьми случайны, а узнаваемость отдельных ситуаций — заслуга не уникальности обстоятельств, а их распространённости.

ЧАСТЬ I. ДЕТСТВО И ШКОЛА

ГЛАВА 1. БАЙМАК, «СКАЗКА» И ПЕРВЫЙ ВОПРОС «ПОЧЕМУ?»

Знаешь, как бывает: люди часто думают, что если родился в одном городе, значит, и детство там прошло. А у меня вышло по-другому. Родился я в Уфе — так уж получилось, мама рожала меня там. Но домом для меня всегда был Баймак. Мы жили именно здесь, и этот небольшой город на востоке Башкирии стал моим миром. Здесь горы видны почти из каждого двора, а зима наступает, кажется, уже в октябре.

Маленький город — это значит, что все друг друга знают. Это неудобно, когда тебе стыдно. И бесценно, когда тебе нужна помощь.

Я рос как обычный мальчишка — насколько вообще можно быть «обычным», когда у тебя ДЦП. Многое давалось труднее, чем другим: и физически, и по-человечески. Но знаешь, что интересно? Я почти не помню, чтобы кто-то в моём детстве жалел меня так, чтобы это обижало. Жалели — по-доброму, по-семейному. А вот смотрели косо — пацаны на улице, прохожие — такое было. И где-то там, внутри, уже тогда рождалось странное чувство: почему со мной по-дру-

гому? Почему ко мне относятся как к человеку, у которого что-то отняли?

Мой первый «большой мир» был не школа, а детский сад. И не какой-нибудь, а «Сказка». Это был первый инклюзивный детский сад в нашем районе — тогда это слово ещё не все произносили, а мы уже жили по нему. Рядом со мной были ребята и с таким диагнозом, как у меня, и с другими. Нас не делили на «обычных» и «особенных» — мы просто играли вместе, капризничали вместе, дружили и ссорились, как все дети.

И вот с этим детским садом связана история, которую я вспоминаю до сих пор. В один отнюдь не прекрасный день наши воспитатели уехали на переобучение, а к нашей группе приставили временную воспитательницу. И у неё была одна простая особенность: она отказалась мне помогать. Не застегнёт обувь, не зашнурует — «сам разберёшься». Мне, мальчишке с ДЦП, для которого застегнуть ботинок — целая работа. В итоге так вышло, что я просто не пошёл с группой на улицу. Остался в группе и стал помогать нянечке готовиться к обеду.

А дальше случилось то, что я не способен придумать, даже если бы очень захотел. По стечению обстоятельств нянечка нанесла телесные повреждения ребёнку — девочке, назовём её Алина (имя изменено). И свалила всё это на меня. Мне, дошкольнику, которого оставили в группе, потому что его некому было вывести на улицу.

Что было дальше — не описать одним абзацем. Целых три месяца нас гоняли по следственным экспериментам, по комнатам милиции. Взрослые, с серьёзными лицами, просили ребёнка показать, как он «наносил побои». Как будто пятилетний мальчик с ДЦП может сделать то, в чём его обвиняют. А я ведь в это время говорил маме, когда меня даже обижали: «Мама, я не могу дать сдачи — ведь девочке будет больно». Это не пафос, это буквально то, что я говорил. И вот такого ребёнка — таскали по милиции.

Закончилась история хорошо — нянечка потом призналась, что это она. Но у признания есть цена, и я её знал наизусть все эти три месяца. Может, поэтому я так болезненно реагирую, когда системе удобно повесить вину на того, кто не может ответить. Я с этим столкнулся раньше, чем научился завязывать шнурки сам.

Мама была моим якорем. Она не разрешала никому говорить про меня «он не сможет». Именно мама всегда хотела, чтобы я стал юристом — но об этом разговор ещё впереди. И в этом её «ты не хуже других, просто по-другому» не было жалости — в нём была сила.

А вот с папой всё было сложнее. Он, к сожалению, не уделял мне должного внимания и воспитания до определённого времени. Об этом мы ещё поговорим в этой книге — там эта история ложится совсем иначе, чем кажется на первый взгляд. Скажу пока только одно: даже в его молчании я чему-то учился. Учился тому, что если никто не сделает пер-

вый шаг — сделай его сам.

В школу я пошёл в восемь лет — в первую школу города Баймака. И знаете, как началось? Учительница начальных классов настояла, чтобы меня перевели на домашнее обучение. Заметь: меня — а мою подругу, тоже с инвалидностью, назовём её Виктория (имя изменено), оставили. Меня сняли с финансирования как «неуспевающего» — а её почему-то оставили, хотя статья расходов та же. Чем я был хуже? Не успеваю, объяснили. Другая тарификация, другая нагрузка, а дома, дескать, ему будет больше внимания. Звучит почти заботливо, правда? Только «больше внимания» почему-то досталось не учителю, а маме. Маму фактически заставили — через директора — написать заявление на перевод. Так школа красивой фразой о «заботе» убрала меня из класса.

Домашнее обучение началось с первого класса, а с третьего — официальное дистанционное образование: комиссия ПМПК оформила его в декабре 2012 года. И вот что забавно: меня при этом куда только ни приглашали. Награды, конкурсы, мероприятия — из меня делали звезду школы. Показывали: «смотрите, у нас есть такой ученик». Гордились — публично. А за дверь — «он не успевает, нагрузка не та». И потом, когда из-за интернета всё обернулось, эта же звезда стала просто помехой. Через много-много лет директор говорит, что гордится нами. Я, пожалуй, не буду спорить. Просто замечу: гордиться всегда легко, когда всё уже произошло.

Об учёбе и о том, как меня подозревали в том, что я сам

отключаю интернет, чтобы не учиться, я расскажу отдельно — это заслуживает подробного разговора. Как и история о человеке, с которым мы дружим до сих пор и с которым в школе нас, представьте, стравливали. Он ещё появится на этих страницах — и не раз.

Знаешь, что я понял много лет спустя, уже юристом? Всё, чем я занимаюсь сегодня — коляски, пандусы, права, суды, — у меня началось не в вузе и не в первый рабочий день. Оно началось здесь, в Баймаке, ещё в детстве. В «Сказке», где инклюзия была не лозунгом, а обычным утром. В тот день, когда я впервые подумал: «А почему так?» С тех пор я всё время ищу ответ на этот вопрос — уже с законом в руках.

Что делать родителям сразу

Эта книга — не только история. Если у вас дома растёт ребёнок с диагнозом, похожим на мой, вот пять шагов, с которых стоит начать. Я пишу их так, как сам их понимаю теперь, — уже юристом.

1. Оформите направление на МСЭ. Не ждите, пока «всё само устроится». Направление даёт лечащий врач в поликлинике, и с него начинается всё остальное: статус, выплаты, реабилитация. Как это устроено и где обычно спотыкаются — в главе о социальной защите.

2. Заведите папку документов. С первого дня. Каждая выписка, каждое заключение потом может стать аргументом. Я не зря говорю в этой книге, что документы — половина любой победы.

3. Спросите врача о реабилитации заранее. То, что изначально впишут в индивидуальную программу реабилитации, потом получить проще, чем добиваться добавления нового. Что такое ИПРА и как с ней обращаться — тоже в главе о социальной защите.

4. Найдите своих людей. Родительские сообщества, местные организации. В моём случае таким местом стала ВОИ — расскажу о ней в главе 9. Человек, который уже прошёл этот путь, экономит вам месяцы.

5. Не изолируйте ребёнка. Обычный сад, обычные дети, обычные требования — адаптированные, но не заниженные. «Сказка» из этой главы — не исключение, а то, на что можно рассчитывать, если знать свои права. О них — в главе о школе.

Это не советы свыше. Это пять шагов, которые, как я теперь понимаю, моя мама сделала за меня — интуитивно, без инструкции. Хорошо бы, чтобы у вас инструкция была.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.